

ПЬЕСА-СКАЗКА Е.Л. ШВАРЦА «ГОЛЫЙ КОРОЛЬ»: САТИРИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ИЛИ АНТИФАШИСТСКИЙ ПАМФЛЕТ?

Миронова Галина Семеновна, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, drama0812@mail.ru

Аннотация. Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король» была создана в 1934 г., когда в мире начинали происходить серьезные исторические и политические процессы, связанные с утверждением в ряде стран деспотического, тоталитарного режима, а также с распространением в Западной Европе фашистской идеологии, приведшей в итоге ко Второй мировой войне. В статье пьеса-сказка «Голый король» рассматривается с точки зрения ее жанрового своеобразия. С одной стороны, в этом произведении, отражающем те политические процессы, которые происходили в мире, обнаруживаются признаки жанра антифашистского памфлета (обличительный пафос, социально-политическая направленность, афористичность стиля, ирония, граничащая с сарказмом и др.). Идеино сказка Шварца направлена против германского фашизма, о чем свидетельствуют рассыпанные в пьесе реплики персонажей, в которых слышится беспощадная сатира на действительность нацистской Германии. С другой стороны, жанр пьесы «Голый король» гораздо шире рамок антифашистского памфлета, это сатирическая комедия, задача которой состоит в обличении и развенчании общественных пороков, в этом она близка фарсу, комедии нравов и комедии характеров. Таким образом, за внешней простотой сюжета сказки «Голый король» угадывается многоплановость и скрытый смысл, присущий сатирическому произведению.

Ключевые слова: жанр, антифашистский памфлет, сатирическая комедия, пьеса-сказка, социальная проблематика, обличительный пафос, ирония, сарказм.

Для цитирования: Миронова Г.С. Пьеса-сказка Е.Л. Шварца «Голый король»: сатирическая комедия или антифашистский памфлет? // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 155–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159>

Research Article

EVGENY SCHWARTZ'S FAIRY TALE PLAY "THE EMPEROR'S NEW CLOTHES": A SATIRICAL COMEDY OR AN ANTI-FASCIST PAMPHLET?

Galina S. Mironova, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia, drama0812@mail.ru

Abstract. The play-tale "The Emperor's New Clothes" by Evgeny Schwartz was created in 1934, when serious historical and political processes started in the world, associated with the establishment of a despotic, totalitarian regime in a number of countries, as well as with the spread of fascist ideology in Western Europe, which eventually would lead to World War II. In the article, the fairy tale play "The Emperor's New Clothes" is considered from the point of view of its genre originality. On the one hand, in this work, reflecting the political processes that took place in the world, there are signs of the genre of an anti-fascist pamphlet (accusatory pathos, socio-political orientation, aphoristic style, irony bordering on sarcasm, etc.). Ideologically, Evgeny Schwartz's fairy tale is directed against German fascism, as evidenced by the scattered replicas of characters in the play, in which a merciless satire on the reality of Nazi Germany is heard. On the other hand, the genre of the play "The Emperor's New Clothes" is much broader than the framework of an anti-fascist pamphlet, it is a satirical comedy aiming at exposure and debunk of social vices; in this it is close to farce, comedy of manners and character comedy. Thus, behind the external simplicity of the plot of the fairy tale "The Emperor's New Clothes", one can guess the diversity and hidden meaning inherent in the satirical work.

Keywords: genre, anti-fascist pamphlet, satirical comedy, fairy tale play, social issues, accusatory pathos, irony, sarcasm.

For citation: Mironova G.S. Evgeny Schwartz's fairy tale play "The Emperor's New Clothes": a satirical comedy or an anti-fascist pamphlet? Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 155–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-155-159>

Пьеса Е.Л. Шварца «Голый король», представляющая авторскую интерпретацию трех известных произведений Г.-Х. Андерсена, была создана в 1934 г. Предназначенная для театра и обладающая всеми внешними признаками драматической сказки, пьеса в то же время отличается жанровой многослойностью. Наше исследование посвящено выявлению в пьесе «Голый король» жанровых признаков сатирической комедии и антифашистского памфлета и решению проблемы, черты какого из указанных жанров в ней доминируют.

Сказка Шварца была создана в то время, когда гитлеровская Германия стремительно превращалась в полицейское государство, основанное на тотальной слежке, шпионаже и всеобщей подозрительности. Идеино «Голый король» был направлен против набиравшего силу германского фашизма. Об этом свидетельствуют рассыпанные по пьесе реплики различных персонажей: «Министр. С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки...» [Шварц 1998: 74]; «Камердинер. Вы арийцы?.. Это приятно слышать» [Шварц 1998: 87–88]. Нередко жанр этого произведения определяют как антифашистский памфлет, т. е. небольшое произведение публицистического характера, обладающее ярко выраженным обличительным пафосом, «полемиической направленностью и вполне определенным социально-политическим «адресом» [ЛЭС: 266]. Памфлет близок к эпиграмме тенденциозностью и предназначенностью для целенаправленного «воздействия на общественное мнение» [ЛЭС: 266]. Среди характерных для памфлета признаков выделяется также афористичность стиля и ирония, граничащая с сарказмом. Действительно, сказке Шварца «Голый король» свойственна памфлетность, так как в ней заметны идейно-политические взгляды автора, связанные, прежде всего, с событиями, происшедшими в Западной Европе.

Тем не менее нельзя не заметить доминирование в сказке оптимистического начала, которое исследователь В.Е. Головчинер мотивирует тем, что пьеса была закончена Шварцем не в 1934 г., а в 1933 г. Несмотря на незначительность временного диапазона, это многое объясняет. В 1933 г., когда должность рейхсканцлера Германии занял Гитлер, вождь национал-социалистической партии, человечество еще не осознало, перед какой чудовищной опасностью оно оказалось. В тот короткий промежуток времени мировое сообщество еще надеялось на бескровное разрешение всех противоречий социально-политической действительности. В 1934 г., когда Гитлер объединил должность рейхсканцлера с постом президента, когда его власть стала бесконтрольной и безграничной, а сам фюрер начал расправляться с не-

угодными ему людьми, мир избавился от иллюзий, а оптимизм постепенно сменился отчаянием [Головчинер: 196]. Поэтому так отличается пафос произведений Шварца, созданных на рубеже 1930–40-х гг., от достаточно оптимистичного настроения, преобладающего в сказке «Голый король». В этой пьесе, по словам В.В. Смирновой, «множество остроумных находок, местами острый сатирический текст, задор и всяческие неожиданности буффонады» [Смирнова: 277]. Вот как об этом вспоминал театральный критик С.Л. Цимбал: «В “Голом короле” Е. Шварц остроумно и весело высмеивал чисто внешние нелепости, которые порождал фашизм, но, строго говоря, еще не касался самой сущности этого явления» [Цимбал: 161–162].

Однако в «Голом короле» обнаруживаются и черты пьесы-предупреждения, которая в «легкой» сказочной форме старалась донести до читателей и зрителей мысль о страшной угрозе, которую таил в себе новый порядок, воцарившийся в Германии тридцатых годов. Страна, которую описывает Шварц, «милитаризована», здесь даже «деревья в саду выстроены взводными колоннами», «фрейлины... маршируют на площади», «птицы летают побатальонно», «цветы в саду пудрят», «кошек бреют, оставляя только бакенбарды и кисточку на хвосте» [Шварц 1998: 112]. В угрозах «голого короля»: «Всех переколю! Заточу! Стерилизую!» [Шварц 1998: 88] – слышится беспощадная сатира на действительность гитлеровской Германии. Пугающе звучит диалог главного героя Генриха с Поваром, который сокрушается по поводу гибели своей книги, сожженной на площади. Это произошло, объясняет герой, когда «...пришла мода сжигать книги на площадях. В первые три дня сожгли все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали жечь остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет» [Шварц 1998: 91]. Как известно, с марта по октябрь 1933 г. в разных городах Германии было организовано сожжение книг в рамках «акции против негерманского духа», а Немецкий студенческий союз призывал к очищению национального языка и культуры. Эта мысль созвучна репликам героя сказки Шварца, Короля, который, обсуждая с Ученым родословную своей невесты, ратует за чистоту ее крови. Так, когда его собеседник упоминает имя первого человека на земле, Адама, Король приходит в ужас от предположения, что его суженая может оказаться еврейкой: «Король. Но ведь Адам был еврей? Ученый. Это спорный вопрос, ваше величество. У меня есть сведения, что он был караим. Король. Ну то-то! Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови...» [Шварц 1998: 99]. Данный эпизод непосредственно связан с историческими событиями начала 1930-х гг., когда набирала военную мощь гитлеровская Германия, на тот момент уже провозгла-

сившая арийскую расу единственно истинной и «прославившаяся» еврейскими погромами и сжиганием книг на площадях. Исследователь Е. Румановская замечает: «В Германии уже начались преследования евреев, а караимов (секту, отделившуюся от иудаизма ещё в I тысячелетии) нацисты не тронули» [Румановская: 10]. Таким образом, антифашистская и антивоенная направленность произведения Шварца не подлежит сомнению.

В то же время за сказочной реальностью «Голого короля» можно разглядеть и советскую действительность 1930–40-х гг. В 1990 г. были опубликованы дневники Шварца «Живу беспокойно...», которые охватывают период с 1942 г. по 1957 г. (к сожалению, записки драматурга о его жизни и творчестве с 1926 г. по 1941 г. не сохранились, так как зимой 1941 г., покидая блокадный Ленинград, писатель их уничтожил). Мемуары Шварца – «...это запечатленная эпоха, “вытопанное поле”, где пришлось жить современникам в 20–50-х годах. В дневнике Шварц предстает “отнюдь не всепрощающим добряком”, как выразился Каверин. Просто он в своих воспоминаниях был предельно раскован, отсюда изощренность и беспощадность стиля изложения, и колкости, и злость, и насмешка» [Безелянский: 41–42], – пишет Ю. Безелянский. В дневниках Шварца есть упоминание и о трагических событиях 1937 г. (в записи от 10 июня 1948 г.), когда были репрессированы его друзья Н.М. Олейников, Д. Хармс, А.И. Введенский, Н.А. Заболоцкий, а Союз писателей в его сознании начал превращаться в «апокалиптического зверя». Ту атмосферу страха, в которой существовали он сам и его современники, драматург сравнивал со скалой, которая в любой момент могла обрушиться. «Пострадавшие считались словно зачумленными. Сколько погибших друзей, сколько изуродованных душ, изуверских или идиотских мировоззрений, вывихнутых глаз, забитых грязью и кровью ушей. Собачья старость одних, неестественная молодость других: им кажется, что они вот-вот выберутся из-под скалы и начнут работать. Кое-кто уцелел и даже приносил плоды, вызывая недоумение одних, раздражение других, тупую ненависть третьих. Изменилось ли положение? Рад бы поверить, что так. Но тень так долго лежала на твоей жизни, столько общих собраний с человеческими жертвами пережито, что трудно верить в будущее» [Шварц 1990: 584–585], – с горечью вспоминает драматург.

Таким образом, жанр пьесы Шварца «Голый король» не укладывается в рамки только антифашистского памфлета. Это сатирическая комедия, художественный контекст которой неизмеримо шире злободневной и остросоциальной проблематики своего времени. Задача сатирической комедии состоит в обличении и развенчании общественных пороков,

она близка фарсу, комедии нравов и комедии характеров. Сатирическая комедия показывает характеры и ситуации, в которых типичные для того или иного общества черты предстают в подчеркнуто смешном, нелепом виде. Одна из центральных проблем шварцевской пьесы «Голый король» заключается в исследовании сущности власти и механизмов ее реализации в тоталитарном государстве. Не случайно эта пьеса в свое время не была разрешена к постановке. «Шварц бичевал деспотизм, жестокость, приспособленчество, подхалимаж. “Цепкие” души рассердились...» [Эренбург: 337] – так объясняет И.Г. Эренбург трудную судьбу произведений Шварца.

В 1920–30-е гг. драматические сказки нередко именовали комедиями, так как в них реализовывался принцип «положительной сатиры» и доминировала оптимистическая концепция жизни. Но, разумеется, Шварц не укладывался в рамки разрешенной концепции и создавал произведения остросатирические, задача которых состояла в беспощадном, разоблачающем, уничтожающем осмеянии негативных явлений действительности. Так, за внешней простотой сюжета сказки «Голый король» угадывается многоплановость и скрытый смысл, присущий сатирическому произведению. В начале пьесы Шварц создает комические образы придворных дам, которые возмущаются тем, что Генрих дал свиньям имена, соответствующие их (придворных дам) дворянским титулам – Герцогиня, Графиня, Баронесса. Комично изображена сцена с участием волшебного котелка, являющегося обладателем удивительного по чуткости носа, который всегда знает, что у кого варится на обед, для этого достаточно направить его на кухню любого дома с любого расстояния. В какой-то момент происходит персонификация носа (здесь появляется, на наш взгляд, аллюзия на гоголевские мотивы), который становится одним из действующих лиц фрагмента пьесы, где разоблачается прожорливость Герцогини, скупость Графини, лживость Баронессы.

Во втором действии пьесы Принцесса и ее друзья Генрих и Христиан уже вступают в борьбу со злом, которое олицетворяет «соседнее» государство. Сатирически изображен и сам «голый король» – правитель «соседней» страны, появление которого на сцене предваряет паника, так как придворные не могут придумать, как разбудить почивающего государя. Главный повар короля, трясущийся от холода (а скорее всего, от страха) рекомендует поставить в спальню всемогущего государя корыто с белугой, которая должна непременно пробудить спящего правителя (этот совет он дает исходя из фразеологизма «реветь белугой»). А когда этот способ не дает ожидаемого результата, вызывают целый взвод солдат, которые должны стрелять под окнами королевской опочивальни. Все это создает иллюзорное впечатление о том, что государь

могуч и силен, но первая же ремарка, рисующая правителя «соседнего» королевства, разрушает этот образ. Торжественные трубные звуки и громкие крики придворных, приветствующих пробудившегося короля, сменяются короткой паузой, после которой слышится «капризный голос»: «Ах! Ах! Ну что это? Ну зачем это? Зачем вы меня разбудили? Я видел во сне нимфу. Свинство какое!» [Шварц 1998: 92]. В этой и последующих сценах из авторских ремарок мы узнаем, что король говорит «капризно», «жалобно», «придирчиво», «милостиво улыбаясь», «самодовольно улыбаясь», «принужденно улыбаясь», «с официальной бодростью и лихостью», «игриво», «разнежено», «расстрогано». А первое появление короля скорее напоминает какое-то цирковое представление. Сначала слышатся звуки труб, а затем упитанный, пышущий здоровьем пятидесятилетний правитель в шикарном халате и в короне спускается откуда-то сверху «на открытом зонте, как на парашюте», под громкое «ура» его лицемерной свиты: «Он ни на кого не глядит, хотя приемная полна придворных. Он держится так, как будто он один в комнате» [Шварц 1998: 93]. Эта сцена из сказки Шварца вызывает ассоциации с эпизодом из книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: в главе «Чудово» автор изображает жестокосердного военачальника и его подчиненных, которые не решаются разбудить своего крепко почивающего господина, несмотря на то, что от этого зависит жизнь находящихся в смертельной опасности людей. Аналогичную ситуацию описывает Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души»: во вставном эпизоде произведения, «Повести о капитане Копейкине», изображен важный петербургский вельможа, в приемной которого ждут высочайшей аудиенции просители, в том числе инвалид Отечественной войны 1812 г.; посетители (и люди низкого происхождения, и представители высшего сословия) в течение нескольких часов томятся в ожидании, пока «государственный человек» изволят почивать. Безусловно, ситуация, созданная в сказке Шварца «Голый король», не насыщена трагизмом, как у его предшественников, в ней больше знаменитого шварцевского юмора, но сближает эти эпизоды из произведений писателей XVIII, XIX и XX вв. разоблачающий сатирический пафос.

Сатирически обрисовано и окружение короля в сказке Шварца: Шут – «солидный человек в пенсне», который, «подпрыгивая, приближается к королю» [Шварц 1998: 94]; Первый министр – «суетливый человек», виртуозно владеющий главным своим оружием – лестью, это свойство он выработал за двадцать лет службы при разных режимах власти (обращаясь к королю, Первый министр лицемерно заявляет: «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь! <...> Нет, ваше величество, нет. Мне себя не перебороть. Я еще раз повто-

рю – простите мне мою разнузданность – вы великан! Светило!» [Шварц 1998: 95]); Придворный поэт – корыстолюбивый царедворец, больше напоминающий грубого солдафона, чем тонкого служителя муз (вот его небольшой диалог с государем: «Поэт. Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной... Король. Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову... Зачем, например, поэту корова» [Шварц 1998: 100]). Нельзя не обратить внимание на марширующих строем и принимающих участие в учениях фрейлин короля, а также на Первую фрейлину, которая не только тридцать лет слывет первой красавицей королевства, но и производится в генералы за то, что каждую ночь видит во сне своего государя. Моральной слепотой страдают жители королевства в сказке «Голый король»: опасаясь разоблачения и неминуемого наказания, они притворяются, будто видят платье, на самом деле не существующее, и только Мальчик, которого еще не успела поразить эта нравственная болезнь, увидев совершенно обнаженного короля, произносит фразу, заставляющую горожан очнуться от оцепенения: «...а ведь он голый!» [Шварц 1998: 129].

Таким образом, пьеса Шварца «Голый король», созданная в 1934 г., безусловно, отражает ту страшную эпоху, свидетелем которой довелось быть ее создателю. Потому справедливо рассматривать это произведение как антифашистский и антисталинский памфлет, вскрывающий и разоблачающий сущность нацизма, деспотизма и тоталитаризма. В то же время эта пьеса выходит за рамки только своей эпохи, содержание ее носит не только конкретно-исторический, но и вневременной характер, что позволяет считать эти пьесы сатирическими комедиями, в которых имеются черты антифашистского памфлета.

Список литературы

Безелянский Ю. Печальный сказочник // Алеф: Ежемесячный международный еврейский журнал. 2006. № 8. С. 41–42.

Головчинер В.Е. Эпическая драма в русской литературе XX века: дис. ... докт. филол. наук. Томский государственный педагогический университет, 1995. 445 с.

Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС) / под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1978. 752 с.

Мы знали Евгения Шварца: Воспоминания. Л., М.: Искусство, 1966. 230 с.

Румановская Е. Евгений Шварц о евреях и еврействе // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 16. С. 10–15.

Смирнова В.В. Сказочник на театре – Евгений Шварц // Из разных лет: статьи и воспоминания. М.: Советский писатель, 1974. С. 163–194.

Цимбал С. Евгений Шварц: Критико-биографический очерк. Л.: Советский писатель, 1961. 271 с.

Шварц Е.Л. Живу беспокойно... Из дневников. Л.: Советский писатель. 1990. 786 с.

Шварц Е.Л. Избранное. М.: Гудьял-Пресс, 1998. 638 с.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: в 3-х т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 3. 443 с.

References

Bezelianskii Iu. *Pechal'nyi skazochnik* [Sad Storyteller]. *Alef: Ezhemesiachnyi mezhdunarodnyi evreiskii zhurnal* [Aleph: Monthly international Jewish magazine], 2006, № 8, pp. 41–42. (In Russ.)

Golovchiner V.E. *Epicheskaia drama v russkoi literature XX veka: diss. d-ra filol. nauk* [Epic drama in Russian literature of the XX century: DSc thesis]. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1995, 445 p. (In Russ.)

Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' (LES) [Literary Encyclopedic Dictionary], ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1878, 752 p. (In Russ.)

My znali Evgeniia Shvartsa: Vospominaniia [We knew Evgeny Schwartz: Memoirs]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1966, 230 p. (In Russ.)

Rumanovskaia E. *Evgenii Shvarts o evreiakh i evreistve* [Eugene Schwartz on Jews and Jewry]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2006, № 16, pp. 10–15. (In Russ.)

Smirnova V.V. *Skazochnik na teatre – Evgenii Shvarts* [The Storyteller at the theater – Eugene Schwartz]. *Iz raznykh let: stat'i i vospominaniia* [From different years: articles and memoirs]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1974, pp. 163–194. (In Russ.)

Tsimbal S. *Evgenii Shvarts: Kritiko-biograficheskii ocherk* [Evgeny Schwartz: A critical and biographical essay]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961, 271 p. (In Russ.)

Shvarts E.L. *Zhivu bespokoino... Iz dnevnikov* [I live restlessly... From the diaries]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 786 p. (In Russ.)

Shvarts E.L. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1998, 638 p. (In Russ.)

Erenburg I.G. *Liudi, gody, zhizn': v 3 t.* [People, years, life: in 3 vols.]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, vol. 3, 443 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 12.05.2022.